





Я не знаю, какой нынче день и какой нынче век.  
Я смотрю в календарь, но ответа найти не могу.  
Мы с тобой заблудились в тумане у сказочных рек.  
Под ногами лишь снег, только розы на мертвом снегу.

Ты, смеясь, говоришь, что собаки твои оплошили  
с утра.  
Белоснежный олень был уж загнан, но в озеро прыгнул  
и был так спасен.  
Красноухие псы поджимают хвосты, не глядят  
на меня,  
А добычи их след снегом белым давно занесен.

И на левом плече твоем ворон — он ночи черней,  
А на правом плече — белый голубь, сиятельней дня.  
Мне бы воск в свои уши залить и не слышать опасных  
речей,  
Не просить бы о том, чтобы в плащ свой закутал  
меня.

Хочешь душу мою? Забирай, отдаю ни за гроши.  
Отдаю за любовь, а вернее — за отблеск любви.  
Ты охотник и в деле своем безнадежно хороши.  
Я добыча твоя и не стану бежать. Если хочешь —  
ЛОВИ.

Я не знаю, какой нынче век, — опустел календарь.  
Словно белый листок, он ложится под ноги ко мне.  
Я не знаю, зачем тут, в тумане, о мой государь,  
Я с тобой повстречалась в опасном, чарующем сне.



**Г**и сама не заметила, в какой момент местность вокруг изменилась.

Еще недавно я шла по светлому сосновому лесу. Ровные красноватые стволы уходили вверх, а через узорные ветки с длинными тяжелыми иглами щедро просачивалось солнце, яркими мазками брызгая по мягкому зеленому мху, пружинящему под ногами, словно толстый ковер. Еще недавно щебетали птицы, переговариваясь сотнями голосов.

Но как-то внезапно я поняла, что вокруг меня — густой подлесок, спутанный и сухой, точно патлы старухи. Деревья, заполонившие эту часть леса, походили на тени самих себя: почти лишенные листвы, болезненно скрюченные, покрытые коростой. Солнце исчезло, под ногами теперь были жесткий белый мох и лишайник, скрипящий и крошащийся, точно старые кости... Да, правильное сравнение: мне и вправду показалось, будто я иду по костям... Птицы тоже смолкли. Тишина сделалась давящей, пронзительной. Она проникала до самого сердца, оставляя по себе маслянистое, неприятное ощущение страха.



Позади хрустнула ветка. Моя спина одеревенела. Я хотела оглянуться и боялась этого. Уверенность, что добром все не закончится, крепла с каждой секундой.

П  
Л  
Ф  
Ш

А вот и птица. На скрюченную ветку, перегородившую мне дорогу — словно лес вытянул растопыренную ладонь, стремясь поймать меня, — опустился ворон. Склонил голову, насмешливо глядя круглым черным глазом, и расхохотался... вернее, раскаркался. Откуда-то снизу, из-под ног, ему хрипло ответила жаба.

Д  
Л  
Д

И тут я не выдержала. Я знала, что бежать нельзя, знала, что ни в коем случае нельзя дать понять этому лесу, что испугалась, — нельзя, ведь, почувяв слабину, он вцепится и уже не выпустит из своих смертельных объятий. Знала, но ничего не могла поделать.

К  
Р  
Ф  
С  
Н  
О

Кровь стучала в висках, деревья цеплялись за плащ, стараясь удержать. Я слышала, как затрещала ткань, но, конечно, не стала оглядываться, чтобы посмотреть на оставшийся на ветке лоскуток красной, будто выпачканный в крови, материи.

Ф  
Ф  
П  
О  
Ч  
К  
Н

Я бежала, уже чувствуя, что это бесполезно, и страх гнал меня, как пастух гонит на бойню стадо глупых коров.

Где-то над головой скользнула тень. Ворон снова закаркал, словно засмеялся. От судьбы не уйдешь.

Прямо передо мной был овраг, весь заваленный буреломом. Я заметалась. Чего бы только



К я не отдала, чтобы попасть домой, в такую обычную и скучную повседневную жизнь, которую я всегда ненавидела! Чего бы я не отдала, лишь бы все это оказалось сном, банальным ночным кошмаром! Я никогда не была особо чувствительной, но сейчас нутром ощущала приближение беды. Чего-то неотвратимого и очень, очень плохого.

Думать было некогда. Я помчалась по краю оврага, едва не падая. На какой-то сумасшедший миг мне вдруг показалось, что стоит добраться до другой его стороны — и я спасена. Еще немного, нужно просто не сдаваться!..

Так близко к спасению, очень близко. Но чертова ветка... Я видела — ее не было над тропинкой еще секунду назад, но вот она, словно змея, бросилась наперерез, изо всех сил ударила меня в грудь, выбив из легких дыхание. Я упала на землю, не в силах дышать, чувствуя обжигающую боль в области грудной клетки, и поняла, что окончательно пропала.

А потом в ноздри ударили запах мокрой шерсти и другой — еще более отвратительный, тяжелый, железистый, чуть сладковатый. Так пахнет свежая кровь...

...На мою щеку упала капля. Я не хотела открывать глаза, но уже физически не могла вынести эту затянувшуюся паузу. Теперь я желала одного — умереть как можно скорее.

Ресницы поднимались медленно, очень медленно, но я уже знала, что сейчас увижу. И не обманулась.



Волчья морда находилась у самого моего лица. Красноватые дикие глаза смотрели равнодушно и от этого еще более страшно, с желтоватых крупных клыков стекала слюна, а вокруг пасти мех слился от засохшей крови. Смрадное дыхание обжигало особым жаром и, мне казалось, оседало на коже мутной серой пленкой.

Волк был чудовищным. Такого огромного зверя я не могла вообразить даже во сне, а сейчас он стоял надо мной, отмеряя последние секунды моей, в общем-то, никчемной жизни.

— Ну что, Красная Шапочка, — зазвучал в моей голове равнодушный голос, — ты уже не маленькая девочка и должна бы знать, как опасно гулять по Темному лесу. Как опасно вмешиваться в чужие сказки.

И тут я наконец закричала, срывая горло, захлебываясь собственным криком. А мир окрасился в ярко-алый. Цвет крови.

— Девочка, девочка, — зашептал мне лес, — хочешь ли ты послушать сказку? Страшную сказку о том, как давным-давно...

Но я уже ничего не слышала.

П  
Л  
Я  
Ш

Д  
Л  
Я

К  
Р  
Я  
С  
Н  
О  
Н

Ш  
Я  
П  
О  
Ч  
К  
Н



# ГЛАВА 1

## КРАСНАЯ НИТЬ



Она подскочила на кровати, захлебываясь собственным криком и все еще видя алую кровь у себя на руках и на груди.

Скрипнула дверь, и на пороге появился стройный женский силуэт. Женщина просто стояла, глядя в полутьму комнаты, и этого оказалось достаточно, чтобы девушка на кровати смогла кое-как перевести дыхание.

— С тобой все в порядке? Ты кричала, — послышался красивый, хорошо поставленный голос. Фигура на пороге чуть заметно шевельнулась, а девушку передернуло.

— Не дождется, — прошептала она, отворачиваясь к стенке.

Дверь снова едва слышно скрипнула — гостья ушла.

Мачеха — и этим все сказано. Элегантная, слишком красивая, предупредительная, спокойная, кажется, никогда не выходящая из себя... Ей недоставало только отравленного румяного яблока в руках и зеркала (впрочем, вдруг она



использует огромное зеркало в спальне?..), чтобы ежедневно просить у него:

— Зеркало, зеркало, правду скажи,  
Ту, что прекрасней всех, мне покажи.

А потом вволю любоваться своей идеальностью. Ее можно было поместить в музей или Палату эталонных мер.

Вновь оставшись одна, девушка, словно защищаясь, подтянула к груди острые, совсем не идеальные коленки. Она чувствовала себя потерянной, словно находилась на Северном полюсе, где со всех сторон дуют злые ледяные ветры. Пальцы кололо, и девушка украдкой взглянула на собственные руки, словно и вправду боялась увидеть на них кровь. Крови не оказалось. Значит, все это было обычным кошмаром, одним из тех, что приходили с наступлением ночи и рассеивались с первыми лучами солнца, оставляя по себе смутный страх и вполне отчетливую головную боль, отдающуюся в висках.

— Это сон, — пробормотала она, пытаясь убедить в первую очередь себя, но почему-то сама себе не верила. Слишком реально, слишком страшно это было.

Больше заснуть не получилось: стоило только прикрыть глаза, как перед внутренним взором возникали скрюченные ветви деревьев, отчего девушка вздрогивала и спешила проснуться.

П  
Л  
Я  
Ш

Д  
Л  
Я

К  
Р  
Я  
С  
Н  
О  
П

Ш  
Я  
П  
О  
Ч  
К  
Н



За окном было темно, и время тянулось ужасающе медленно. Она то и дело поглядывала на часы, сожалея, что еще слишком рано; пытаясь заснуть, но снова вздрогивала и просыпалась. И эта пытка продолжалась бесконечно, круг за кругом. Скомканная простыня стала влажной от пота, когда тишину резко, как крик петуха, разорвал звук сработавшего будильника.

Теперь можно было вставать на законных основаниях. Голова кружилась, и девушка чувствовала во всем теле слабость.

Когда она спустилась на первый этаж, отец уже позавтракал и собирался на работу.

— Анна, — он строго посмотрел на дочь, — нам нужно поговорить. Я не понимаю, что с тобой происходит. Оливия очень расстраивается, она ничего не рассказывает, но я вижу, что ей с тобой тяжело.

— Пусть просто оставит меня в покое, — буркнула девушка, направляясь к кофемашине. Как нельзя некстати она, опустив взгляд на свои руки, заметила, что лак на ногтях облупился и выглядит очень неаккуратно, не то что у идеальной мачехи.

— Ты стала очень грубой. Я разочарован, — ударил в спину голос отца.

Она вздрогнула, но не ответила.

Отец изменился. С тех пор как в доме появилась Злая Королева, он всегда принимал ее сторону, он беспокоился о ней больше, чем о дочери. Словно заколдованный.



Так и бывает в сказках. После появления ма-  
чехи родную дочь отправляют в каморку под  
лестницей, оставляют в темном лесу или позво-  
ляют любимой женщине послать с ней егеря  
с заданием принести в виде охотничьего тро-  
фея еще теплое, недавно бывшееся сердце.

Так бывает в сказках, и ее нынешняя жизнь  
сама собой превратилась в сказку, причем не  
самую счастливую...

Анна не помнила, как собралась и вышла из  
дома, села на велосипед и поехала по тихим,  
еще только просыпающимся улочкам. Привыч-  
ный маршрут до университета был так хорошо  
знаком, что преодолевался автоматически, поч-  
ти бессознательно.

Она оставила велосипед на парковке среди  
немногих других таких же чудиков, как она  
сама, до сих пор не севших за руль, и направ-  
илась к серой громаде здания. Университет  
был старым, и Анне он нравился, ей всегда  
 казалось, что он хранит в себе старые исто-  
рии, а если смотреть на его арочные проемы  
и винтовые лестницы, можно и вовсе поза-  
быть о современности и подумать, что ока-  
зался в сказке. Она преодолела уже половину  
расстояния, когда за спиной послышались  
торопливые шаги, словно кто-то пытался до-  
гнать девушку.

Анна оглянулась.

— Ты уронила. — Даниэль, один из немно-  
гих парней на их филологическо-литератур-

П  
Л  
Ф  
Ш

Д  
Л  
Я

К  
Р  
Ф  
С  
Н  
О  
Н

Ф  
Я  
П  
О  
Ч  
К  
Н



К ном курсе, протягивал на раскрытой ладони небольшой предмет.

Т Она пригляделась — маленькая фигурка в красном плаще, кажется, Красная Шапочка — и поспешно замотала головой:

Н — Это не мое!

К — Да ладно, я видел, у тебя из кармана выпало. Возьми, я никому не скажу, — зачем-то добавил он.

Е Й Анна машинально взяла фигурку и сунула в карман куртки. Еще не хватало, чтобы этот тип решил, что она мало того что носит с собой игрушку, так еще стесняется этого.

— Я тебя от парковки догнать пытался. Ты была как-то вся в себе, ничего не замечала, — проговорил он, шагая рядом.

Они вместе вошли под темные своды старого здания, и две подружки-сплетницы, обогнавшие их у ступенек, покосились на Анну с откровенным жадным любопытством. Она и сама была удивлена и слегка заинтригована. Даниэль спокойно шел рядом, словно они вместе, и задумчиво крутил в руках темно-синий, отливающий радужным серебром спиннер, свою любимую игрушку, которую Анна уже не раз замечала в его руках.

То, что Даниэль вообще заговорил с ней, уже очень странно. Он редко общался с кем-то с потока, чаще увлеченно строчил что-то на айфоне, к которому у него имелась специальная клавиатура. Говорили, что он пишет, правда, никто не читал, что именно. К тому же, как ни странно,



Даниэль был симпатичным. На филологическом факультете традиционно собирается женская компания, среди которой изредка попадаются особо странные и словно бы бракованные мужские экземпляры. Даниэля можно назвать странным, это точно, но насчет дефектности никто ничего сказать не смел. Высокий, темноволосый, с бледный лицом, он казался загадочным и немедленно привлек внимание большинства девушек. Однажды Анне даже довелось стать свидетельницей ссоры из-за него двух вполне симпатичных девушек, но, насколько ей было известно, никто из них, впрочем, как никто из других девушек в их университете, не мог похвастаться его особым вниманием. Скорее всего, Даниэль встречался с кем-то со стороны. Он не избегал совсем студенческих сборищ вроде традиционной вечеринки посвящения, но появлялся на них ненадолго, общался поверхностно и никогда не выпивал столько, сколько нужно для того, чтобы выйти за рамки своей обычной замкнутости. С Анной они до сих пор, кажется, вообще не разговаривали, по крайней мере, она не могла припомнить такого факта.

Они молча поднялись по ступенькам. У Анны закружила голова, пришлось схватиться за перила, а потом, открывая дверь, девушка вдруг увидела на ладони бурые пятна крови. Они, кажется, просочились прямиком из ее сна. Она вздрогнула.

— Ты испачкалась. На перилах подновляли краску, давай помогу. — Даниэль уже достал

П  
Л  
Ф  
Ш

Д  
Л  
Д

К  
Р  
Ф  
С  
Н  
О  
Н

Ф  
Л  
П  
О  
Ч  
К  
Н



К бумажный платочек и неуклюже пытался оттеснуть с ее руки грязь.

Т Краска. Не кровь. Эта информация доходила Р до сознания медленно, зато Анну с ног до головы окатило волной облегчения. Всего лишь Н краска. Все имеет вполне нормальную, реалистическую причину. Она сама виновата в своих К страхах, придумывая то, чего нет на самом деле.

Е — Спасибо, — пробормотала девушка смущенно. — Я сама вытру.

Й — Хорошо. — Даниэль улыбнулся. Оказывается, у него очень обаятельная улыбка. — Идешь сегодня на мифологию? Профессор Фишер всегда найдет, чем нас развлечь... Увидимся.

И он, не оглядываясь, пошел по коридору, оставив Анну в недоумении, что вообще сейчас было. Откуда этот неожиданный и странный интерес и что означают последние слова — просто констатацию факта или то, что Даниэль хочет позвать ее на свидание. Вдвойне странно, учитывая, мягко скажем, ее непопулярность у противоположного пола и обычную замкнутость Даниэля. Однако думать над этим она не стала — осталось еще немного времени до начала лекции, как раз хватит, чтобы повесить верхнюю одежду, взять в автомате кофе и попытаться хоть немного прийти в себя и переключиться на работу.

\* \* \*

Она лежала на земле, и в светлых волосах запутались листья. Глаза были удивленно открыты. Совсем девчонка, лет семнадцать на



вид, а может, еще меньше, с ними всегда трудно определить.

Он, не глядя, сорвал пучок лесных цветов и положил ей на грудь, чтобы прикрыть тот большой красный цветок, который остался после попадания стрелы.

Пошел дождь, и холодные струйки бежали по его лицу, скатывались за ворот. Да, это вам не сказки. И никаких «долго и счастливо». Грязь и смерть — вот и все, что реально в этом мире. Мужчина вздохнул. Он очень устал, больше всего ему хотелось закрыть глаза и не открывать их снова, но позволить себе такую роскошь он, разумеется, не мог.

— Зря ты вообще сюда пришла, — пробормотал он, обращаясь к неподвижному телу, словно она могла ответить, словно получилось бы что-то переиграть.

А потом отвернулся и ушел, тут же позабыв о светловолосой девчонке.

Сейчас его гораздо больше занимала мысль о том, чтобы разжечь огонь и хорошенъко отогреться, да и оружие не мешает привести в порядок.

Вспомнил о девчонке он уже на привале, когда увидел зацепившуюся за бляшку на сапоге длинную красную нитку. Отцепить нитку и бросить ее в костер — секундное дело. Теперь все, и никаких воспоминаний.

Это просто работа. Не слишком приятная, если быть откровенным, но ничуть не хуже любой другой. Работают же дровосеки, срубая де-

П  
Л  
Ф  
Ш

Д  
Л  
Г

К  
Р  
Ф  
С  
Н  
О  
Н

Ф  
Н  
П  
О  
Ч  
К  
Н



Кревья. Тяжелый, неприятный, но нужный труд.  
Э И у него чем не работа?..

Т Вдруг огонь зашипел, разбрызгивая искры,  
Р и языки его слились в знакомую фигуру.

Н — Все хорошо? — спросил человек, целиком  
Н состоящий из пламени.

— Все сделано, — по-своему ответил он.

К — У меня для тебя новое задание.

Е Ну конечно, об отдыхе можно и не мечтать.

Й Огненная фигура взметнулась к уже налива-  
ющемуся ночным сумраком небу.

— Да, я слушаю...

За темными тучами не было видно звезд, а дождь монотонно отстукивал падающие в бездну секунды. За спиной шумел лес, где еще продолжался дождь, почти не ощущимый под навесом.

Говорят, у каждого своя сказка. Если бы он только мог, он выбрал бы себе другую...

\* \* \*

Зеркало отражало бледное лицо, оттененное темно-каштановыми волосами чуть ниже плеч, тонкие губы, острый подбородок и упрямые серые глаза. Это лицо Анна день за днем видела уже на протяжении девятнадцати лет и успела к нему привыкнуть. Иногда оно раздражало ее, иногда казалось даже красивым. Волосы вот точно были хорошие — густые, приятного оттенка. А больше, пожалуй, ничего особенного.

Но сейчас Анна смотрела в зеркало и отчего-то едва себя узнавала.